
В. А. РОМОДАНОВСКАЯ

**Сочинения Лактанция
в переводе русских книжников рубежа XV—XVI вв.***

В разделе «Отрывки» «Переводной литературы...» А. И. Соболевского содержится краткая заметка о переводе трактата католического богослова конца III—начала IV в. Лактанция «De ira Dei» («О гневе Божиим»); текст перевода содержится в рукописи Софийского собрания Санкт-Петербургской Духовной академии (ныне — в РНБ), № 1454, начала XVI в.¹ После приведенного введения к переводу и начального и конечного фрагментов текста Лактанция А. И. Соболевский дает краткую характеристику текста: перевод представляет собой трактат Лактанция «De ira Dei, ad Donatum», с середины 1-й главы, и выполнен, судя по всему, с чешского языка, во всяком случае, в пользу этого говорят многочисленные богемизмы во введении и тексте перевода. Кроме того, в морфологии перевода отмечены чешские формы: «Сократесь, иже *есть* *быль* межи всѣми мудреци прѣмудрѣйшій <...> рече бо самъ о себѣ, еже ничто не *знае*, *едино* то едино, еже ничто не *разумѣ*. Но то *есть* *разумѣль*, еже то учение не имѣло въ себѣ *ничто* истиннаго и *ничтоже* праваго», а также форма собственного имени *Епикуриось*.²

К сожалению, кроме краткой, хотя и насыщенной информацией, заметки А. И. Соболевского, в науке нет ни одного упоминания о славянском переводе одного из крупнейших и наиболее интересных апологетов Западной Церкви.

Фирмиан Целий Луций Лактанций (предположительно около 250 — около 325 г.)³ родился в языческой семье, скорее всего, в Северной Африке. После получения риторического образования как преподаватель латинской риторики около 290 г. был приглашен в Никомедию, малоазийскую резиденцию императора Диоклетиана, где и обратился в христианство. После начала гонений на христиан, т. е. после 303 г., Лактанций вынужден был удалиться в Галлию; там он продолжил свою преподавательскую деятельность, став воспитателем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-04-00157а.

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 227—228.

² Там же. С. 228.

³ Биографические сведения см.: *Patrologia latina*. Parisiis, 1844. Т. 6. Col. 75—78 (далее — PL).

Криспа, старшего сына императора Константина Точная дата смерти Лактанция неизвестна, многие его сочинения не сохранились или дошли лишь в отрывках. Несомненно перу Лактанция принадлежат написанные в период после 303 г. 5 работ: «De officio Dei, vel formatione homini» («О творении Божьем, или О создании человека»), «De ira Dei» («О гневе Божиим»), «De Divinis Institutionibus» («О Божественных установлениях»), «De mortibus persecutorum» («О смертях преследователей») и «Epitome Divinarum Institutionum» («Извлечение из Божественных установлений»).⁴ Основная тема сочинений Лактанция — обоснование истинности христианской веры и защита ее от сторонников других верований. Доказательства он строил на полемике с идейными и историческими противниками, при этом «стремился проповедовать христианство на основе греко-римской этики, создавая для образованного читателя мост между новой религией и античной философией»,⁵ проповедуя «равновесие между милостью и карающей справедливостью».⁶

Сочинения Лактанция стали популярны чрезвычайно быстро и широко в раннее средневековье (до конца V в.), однако далее, с распространением христианства как всеобъемлющей религии, полемические сочинения Лактанция отходят на второй план.⁷ Правда, нельзя сказать, что о нем забывают совершенно: в частности, к «Божественным установлениям» неоднократно обращается при составлении «Этимологий» Исидор Севильский.⁸ Широчайшая популярность «Этимологий» Исидора позволяет предположить опосредованную известность и некоторых положений Лактанция.

Развитие Лактанцием христианских идей на базе античной философии привлекает внимание итальянских гуманистов начиная с XIV в., и благодаря своему чистому латинскому языку и прекрасному стилю Лактанций, по меткому определению Франческо Петрарки, получает имя «христианского Цицерона».⁹ В 1425/26 г. был открыт наиболее полный и древний (VI—VII вв.) кодекс сочинений Лактанция, включающий «De Divinis Institutionibus», «De ira Dei», «De officio homini» и «Epitome».¹⁰ Вероятно, этот кодекс стал основой догматических сборников Лактанция, в которые неизменно входили эти четыре работы, а также стихотворения Лактанция, его поэма «Феникс» и молитвы. В XV в.

⁴ PL T 6—7, Тюленев В М Лактанций христианский историк на перекрестке эпох СПб, 2000 С 12

⁵ Голенищев-Кутузов И Н Средневековая латинская литература Италии М, 1972 С 75 Также см Майоров Г Г Формирование средневековой философии Латинская патристика М, 1979 С 133—141, Бычков В В Aesthetica patrum Эстетика Отцов Церкви I Апологеты Блаженный Августин М, 1995 С 60, 64—65, 105—110 и др

⁶ Голенищев-Кутузов И Н Средневековая латинская литература Италии С 75

⁷ См Pichon R Lactance Etude sur le mouvement philosophique et religieux sous le regne de Constantine Paris, 1901 P 447—451

⁸ См Curtius E R Literatura europejska i łacinskie sredniowiecze Krakow, 1997 P 470—471

⁹ См Pichon R Lactance P 451—452 См также высказывания о Лактанции PL T 6 Col 77—82

¹⁰ Ныне хранится в библиотеке Болонского университета, № 701 См Sabbadini R Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV Firenze, 1905 P 90

в свет выходит 13 изданий, причем лишь одно, 1476 г., — за пределами Италии, в Ростове, а в XVI в. отмечено не менее 36 изданий.¹¹

В середине XVI в. появляются первые переводы Лактанция на национальные языки: это перевод Рене Фаме трактата «О Божественных установлениях» на французский, изданный Галлио дю Пре в Париже в 1542 г., и перевод комплекса догматических сочинений на английский, выполненный Бюрте до 1587 г.¹² О существовании более ранних переводов, в том числе рукописных или печатных, на чешский язык неизвестно.

Таким образом, упомянутый А. И. Соболевским текст перевода Лактанция на славянский язык, вполне вероятно, является вообще *одним из первых*, если не первым, переводом одного из наиболее известных отцов Западной Церкви. Этот факт, без сомнения, весьма интересен для истории Западной Церкви; история русской культуры и литературы также не может оставить его в стороне, поскольку это не только еще одно очевидное обращение к западной апологетике, популярной в определенных кругах России рубежа XV—XVI вв., но также перевод одного из самых распространенных на Западе в гуманистических кругах авторов христианской античности. Трудно сегодня говорить о влиянии сочинений Лактанция на древнерусскую культуру и литературу, но такое влияние нельзя исключить абсолютно. Представляется, что введение текста перевода в научный оборот позволит выявить или исключить таковое.

Переведенные «Нѣкоторые вещи въкратцѣ» из трактатов Лактанция на сегодняшний день известны лишь в одном списке, указанном А. И. Соболевским, — это л. 249—257 рукописи РНБ, Софийск. № 1454. Рукопись представляет собой сборник первой половины XVI в.,¹³ объемом 566 + 1 л. в 4°. В Софийскую библиотеку рукопись была передана в 1775 г. в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Содержание рукописи подробно расписано Д. И. Абрамовичем.¹⁴ В сборник включены апостольские правила и поучения, святоотеческие сочинения Васи-

¹¹ См Pichon R Lactance P XVI—XVIII Также см Incunabula in American Libraries A third census of fifteenth-century books recorded in North American collections New York, 1973, Adams H M Catalogue of Books Printed on the Continent of Europe, 1501—1600 in Cambridge Libraries Cambridge, 1967 Vol 1

¹² Pichon R Lactance P XVIII

¹³ Рукопись написана на бумаге со следующими филигранями перчатки четырех типов, типа Брике, № 10904 (1528 г), № 11424 (1502—1508 гг), № 10699 (1532 г), № 11396 (1533 г), латинские литеры «Р» трех типов, типа Пикар, II, № 413 (1509 г), II, № 377 (1510 г), XV, № 500 (1532 г), кувшинчики двух типов, типа Лихачев, Водзн, № 1710 (1544 г) и типа Брике, № 12738 (1544 г), единорог, напоминает Брике, № 10374 (1489—1490 гг), латинская литера «F», типа Лихачев, Водзн, № 1598 (1534 г), щит с литерой «R готическое», сходен с Брике, № 8994 (1524 г) Текст Лактанция находится на бумаге с филигранью перчатка, типа Брике, № 11424 (1502—1508 гг) Палеографическое описание рукописи см Ромодановская В А Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской библии I Рукописи XV—первой трети XVI в // Источники по русской истории и литературе Средневековье и Новое время Новосибирск, 2000 С 26—27

¹⁴ См Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии Софийская библиотека Вып III Сборники / Сост Д И Абрамович СПб, 1910 С 220—228

лия Великого, Афанасия Великого, Григория Римского, Иоанна Златоуста, Григория Синаита, Ефрема Сирина и других, а также библейские тексты: фрагменты апостольских посланий, Песнь пророка Иезикии, постные чтения из пророчества Исаи, фрагменты книги Исуса Сирахова, 21-я глава 1 книги Паралипоменон и книг Товит и Иудифь; фрагмент 1 Пар. и книг Товит и Иудифь — в переводе с Вульгаты, выполненном в Геннадиевском литературном кружке при составлении Геннадиевской библии.¹⁵ Кроме того, в сборнике присутствуют статьи о церковных таинствах и обрядах, письмовник, лексикографические работы, исторические и энциклопедические статьи, антилатинские и антиеретические сочинения и литературные произведения, среди которых Сказание об иконе Тихвинской Богоматери, фрагмент из жития Стефана Пермского, цикл цареградских сочинений и единственный список Первоначальной редакции Прения живота и смерти¹⁶ Перевод текстов Лактанция на этом фоне хорошо перекликается, с одной стороны, с сочинениями восточных отцов Церкви, а с другой — с западными переводными произведениями, в частности, с «латинскими» частями Геннадиевской библии и переведенным в Новгороде с немецкого Прением живота и смерти.¹⁷

Текст Лактанция предваряет предисловие, целью которого является объяснение необходимости перевода сочинений Лактанция на славянский язык. Предисловие начинается с весьма краткой справки о жизни Лактанция («человек благый и мудрый бысть в дни Константина царя великаго»), причем его роль для христианской Церкви обозначена лишь «упоминанием» о нем в «De viris illustribus» Иеронима блаженного («егоже въспоминает Иероним в книгах „De viris illustribus“»).¹⁸ Приблизительно две трети предисловия посвящено собственно творениям Лактанция, в которых автор (Лактанций) выступает против почитания языческих богов и провозглашает единого христианского Бога. Эти «книги» могут быть полезны всем, кто «имают Бога чтити». Приведенный текст, как сообщает предисловие, представляет собой «нѣкоторые вещи въкратцѣ выписаны», причем указание на *выписки* содержится в предисловии дважды, второй раз уточняется, что они производились не из одного, а из разных трактатов: «ины нѣкые вѣщи суть».

¹⁵ Литература, посвященная переводу библейских книг с Вульгаты, обширна, в числе основных работ см Горский А В, Невоструев К И Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки Отд I Священное исание М, 1855, Соболевский А И Переводная литература, Евсеев И Е Геннадиевская библия 1499 г М, 1914, Freidhol G Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81) Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer Frankfurt am Main, 1972, Платонова И В Перевод в риторическом типе культуры Автореф дисс канд филол наук М, 1997, Ромодановская В А 1) Геннадиевская библия 1499 г в русской рукописной традиции XV—XVII вв (латинские источники) Автореф дисс канд филол наук СПб, 1999, 2) О целях создания Геннадиевской библии как первого полного русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси Севернорусские монастыри СПб, 2001 С 278—305

¹⁶ См Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подгот текстов Р П Дмитриевой М, Л, 1964 С 13

¹⁷ См Там же С 15—19

¹⁸ Ср PL Parisus, 1845 T 23 Col 687—690

В предисловии же содержится и указание, из каких книг эти выписки были произведены: в первом случае это книги, написанные «Константинови», во втором — «ис тѣх книг, иже писал Донатови». Таким образом, автор предисловия, очевидно, являющийся и автором перевода, извещает, фрагменты каких трактатов были им переведены: «книги многы», посвященные римскому императору Константину Великому (305—337), — это фундаментальный труд Лактанция «De Divinis Institutionibus»,¹⁹ а книги, посвященные Донату,²⁰ — это трактат «De ira Dei»;²¹ уже предисловие к переводу Лактанция называет не один переведенный трактат, как указывал А. И. Соболевский,²² а две книги.

Исследование перевода текста Лактанция позволило определить и третий источник, бывший в руках славянского книжника: это посвященный Деметриану²³ трактат «De officio Dei, vel formatione hominis».²⁴

В целом в тексте перевода может быть выделено 20 фрагментов различного объема, от достаточно больших до фрагментов буквально в одну-две строки рукописного текста, которые восходят к трем названным трактатам, а также присутствует один фрагмент, источник которого определить не удалось. Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что этот фрагмент также в основе своей принадлежит Лактанцию, поскольку тема его — воплощение божественного величества посредством «разума свята и души праведны» — неоднократно разрабатывалась Лактанцием во всех использованных работах,²⁵ а сам фрагмент не отличается ни стилистически, ни лингвистически от остальных.

Начинается текст с фрагмента из середины 1-й главы трактата «De ira Dei», после выпущенного отрывка изложение 1-й главы продолжается, однако далее переводчик переходит к 24-й главе, из которой переведено два фрагмента, затем — к 8-й и т. д. После фрагмента из 15-й главы «De ira Dei» следуют два небольших отрывка из 20-й главы «De officio Dei», далее переводчик вновь возвращается к «De ira Dei», приводя два весьма объемных фрагмента 13-й главы. Завершают перевод фрагменты из 6-й книги «De Divinis Institutionibus», однако в данном случае, хотя и со значительными лакунами и фрагментом, источника которого не удалось определить, они расположены в соответствии с порядком в тексте оригинала: три фрагмента из 1-й главы, затем, после опущенного обширного названия 2-й главы,²⁶ два фрагмента 2-й главы, далее сле-

¹⁹ PL T 6 Col 111—822

²⁰ Трактат «De ira Dei», как и другая работа Лактанция, «De mortibus persecutorum» (PL T 7 Col 189—276), посвящен исповеднику Донату, арестованному в 303 г в результате гонения императоров Диоклетиана и Галерия на церковь и выпущенному на свободу в 311 г (см Lietzmann H Lactantius Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft Halbbd 23 S 354)

²¹ PL T 7 Col 79—148

²² Соболевский А И Переводная литература С 228

²³ По всей вероятности, Деметриан был другом Лактанция, и ему посвящено одно из более ранних сочинений апологета (см Pichon R Lactance. . P 59)

²⁴ PL T 7 Col 9—78

²⁵ Ср PL T 6 Col 223—224, 360 и др

²⁶ Приведу его целиком Caput II Quod Deus nec esurit nec silit nec in tenebris est ut ei oporteat hostias immolari aut vina offerri vel lumina Et quare haec offerantur diis gentium que fidem rectam et vitam innocentiam offerre nesciunt In quibus consistit Dei cultus Et quod intra omnia que ad cultum Dei pertinent prestantissimum est homines ad veritatem et iustitiam erudire Et quare nolit ab elementis incipere

дует фрагмент, переведенный с неустановленного источника, затем — обширный фрагмент 4-й главы.

Несмотря на фрагментарный характер, текст перевода трактатов Лактанция не производит впечатления отрывочных «выписок». Прежде всего, фрагменты хорошо согласуются тематически. Если в сочинениях Лактанция большое место уделяется полемике с античными философами и приверженцами нехристианских религиозных течений, если Лактанций помещает свои доказательства истины христианского учения на широкую базу религиозной и общекультурной традиции Римской империи рубежа III—IV вв., то славянского переводчика в большей степени интересует своего рода квинтэссенция, готовые выводы относительно истинности христианской веры, причем, как правило, не принимается во внимание, чем объясняются в исходном тексте те или иные утверждения. В славянский перевод включен лишь один полемический фрагмент — это заключительный отрывок 13-й главы «De ira Dei», в котором Лактанций возражает доводам Эпикура в отношении всемогущества Бога и одновременного существования добра и зла. Этот эпизод можно назвать центральным во всем славянском переводе сочинений Лактанция; именно в силу своей полемичности он несет на себе основную смысловую нагрузку.

В самом деле, фрагменты в славянском переводе расположены далеко не в случайном порядке. После предисловия, несомненного *введения* к тексту, автор перевода помещает рассуждение о двойной — телесной и духовной — природе человека, в котором неоднократно подчеркивается, что разум человеческий — ничто без божественного света, и лишь принявший Бога в сердце свое «имѣет сердце просвѣщено и таинство правды разумеа», поскольку лишь Бог всемогущ. Постигнуть Его невозможно, однако «мы вси должни любити Его того ради, еже есть Отець, а бояти ся, понеже есть Господь» (это уже фрагмент 24-й главы «De ira Dei», переводчик определяет порядок фрагментов, руководствуясь своим замыслом). И только тогда Бог сможет войти в наше сердце. Только человеку с чистой совестью дарована вечная жизнь, поскольку Богу известны все человеческие дела и мысли (фрагмент 8-й главы «De ira Dei»). Далее (14-я глава «De ira Dei») следует пространное рассуждение о человеке как венце божественного творения. Но откуда тогда человеческие грехи и зло (15-я глава «De ira Dei»)? Они необходимы, поскольку лишь в борьбе противоположных начал, каковы душа и тело человека, рождается единство (там же, следующий фрагмент), поскольку «побѣда без бою быти не может» и праздная душа погубит саму себя (20-я глава «De officio Dei»). Именно потому Бог сотворил не только добро, но и зло, чтобы человек мог в полной мере познать и то и другое и выбрать, руководствуясь мудростью, свой путь (13-я глава «De ira Dei»). И как доказательство этого тезиса автор перевода и приводит «ону притчу Эпикуриеву» (там же, второй фрагмент) — прекрасно организованное риторическое доказательство всемогущества Бога, который не лишает мира зла не в силу своей немощи и/или зависти, но лишь, чего не смог понять Эпикур, потому что «когда бы отато было зло, такожде бы отата была и мудрость». Но как же следует почитать Бога (1-я глава «De Divinis Institutionibus»)? Люди из-за грехов своих перестали понимать, каким образом должно воздавать почести

Богу, — и потому «храмы и олтари крови многих жертв искровявят и егда огонь запялять или вином старым полиют», в то время как Бог земных богатств не требует (там же, следующий фрагмент). Люди, не знающие истинного Бога, не знают и как почитать его (там же, следующий фрагмент). Этот тезис усиленно доказывается примерами из 2-й главы «De Divinis Institutionibus»: «Сего ради убивают великаа и тучнаа в жрътву Богу, яко алчнем, вино приносят, яко жадному, зажигают свѣща, яко в тмах пребывающему». Ничего этого не стали бы делать люди, когда бы могли взглянуть на солнце, «преясную свѣтлость», сотворенную Богом ради человека. Бог же ждет от нас не света свеч, но света ума человеческого (там же, следующий фрагмент). Божественное величество требует не телесных жертв, но «разума свята и души праведны», данной человеку свыше (фрагмент, источник которого не определен). Но «то есть обычаи врагу» — толкать человека на путь гибели, который только кажется гладким, ибо все, что люди считают добром на земле («якоже множество богатства, честь, покой, годование и всякие похоти. Такожде к тому вкупѣ неправду и жестосердие, гордость, невѣрие, сребролюбие, лож, прелесть и иныа грѣхы»), лишь отвращает человека от истинного пути, и поймет это он только в конце жизни, «и тако се от Бога отврати тои и до ада вържен сыи и вѣчно мучен будет».

Необходимостью придать тексту цельный и законченный вид вызвана обработка, намеренно направленная на устранение компилятивных швов. Рассмотрим это детальнее. Как правило, фрагменты в латинском оригинале начинаются с «удачных» для переводчика союзов и вводных слов, и в таких случаях они не просто переведены, но умело использованы для связи с предшествующими отрывками. Вариативность перевода одних и тех же латинских союзов, с учетом весьма небольшого объема славянского текста, значительна. Так, второй фрагмент 1-й главы «De ira Dei» начинается союзом *si* 'если', переведенным *понеже* 'потому что'; включение союза в переводимый фрагмент обеспечивает связь отрывков как в латинском оригинале, так и в славянском переводе, ср.:

Intellexit enim, doctrinam illam nihil habere in se certi, nihil veri. Si ergo nulla est sapientia humana...

Но то есть разумѣл, еже то учение не имѣло в себѣ ничто истинного и ничтоже праваго. Понеже убо ничтоже есть мудрость людскаа...

Подобные ситуации отмечены в началах фрагментов 8-й главы «De ira Dei» (*enim* 'же' > *же*), 14-й главы «De ira Dei» (*sicut* 'как' > *якоже*; *unde* 'откуда' > *и тако*), 15-й главы «De ira Dei» (*hic* 'в этом случае' > *такожде*; *nec* 'и не' > *и не*), 20-й главы «De officio Dei» (*nam* 'ибо' > *бо*; *enim* > *бо*), 13-й главы «De ira Dei» (*ergo* 'поэтому' > *сего ради*), 1-й главы «De Divinis Institutionibus» (*Venio nunc ad ipsum* > *Пойду нынѣ к тому*; *enim* > *же*; *sicut* > *сего ради*), 2-й главы «De Divinis Institutionibus» (*igitur* 'же' > *сего ради*; *nunc igitur* 'теперь же' > *егда же тои, тогда*), 4-й главы «De Divinis Institutionibus» (*enim* > *но*).

Лишь в двух случаях, в началах фрагментов 24-й главы «De ira Dei», в латинском оригинале необходимых связок нет, и переводчик подбирает их самостоятельно (*но*; *того же ради*).

Использование связей — не единственное средство объединения фрагментов в цельный текст. На границах фрагментов нередки случаи редакторской правки, связывающей отдельные отрывки. К таковой может быть отнесен перевод прилагательного *nulla* 'никакая, ничтожная' в начале второго фрагмента 1-й главы «*De ira Dei*» местоимением *ничтоже*, в результате чего возникает переключка с предыдущим фрагментом, в котором *ничтоже* соответствует местоимению *nihil*: *doctrinam illam nihil habere in se certi, nihil veri* || *Si ergo nulla est sapientia humana* > то учение не имѣло в себѣ ничто истинного и ничтоже праваго. || Понеже убо ничтоже есть мудрость людская. При связи фрагментов 8-й и 14-й глав «*De ira Dei*», по сравнению с латинским оригиналом, смещены субъективные отношения; внимание акцентировано на слове *Бог*, причем в конце фрагмента 8-й главы *Deus* 'Бог' переводится местоимением *Он*, а в начале следующего фрагмента пассивная конструкция заменяется активной: *etiam quae cogitamus, aut loquimur, audiri a Deo putemus*. || *Sicut mundum propter hominem machinatus est...* > что и мыслим или глаголем, а Он слышит. || Якоже Бог сътворил мир человека ради... В начале первого фрагмента 13-й главы «*De ira Dei*» сложноподчиненное предложение латинского текста заменяется в переводе сложносочиненным, в результате чего возникает синтаксическая переключка с предшествующим отрывком 20-й главы «*De officio Dei*»: *Noluit enim Deus hominem ad immortalem illam beatitudinem delicato itinere pervenire*. || *Deus cum formasset hominem veluti simulacrum suum, quod erat officii summum, inspiravit ei sapientiam* > Якоже бо не хотѣл Бог человека к оному безсмертному блаженству пространным и широким путем привести. || Бог сътворил человека образом подобна себѣ, еже он есть вышши всѣх дел Его, и въдохну ему мудрость.

Правка подобного рода, однако, встречается не только в местах соединения фрагментов. Весьма точный в целом перевод исключает между тем какого-либо рода кальки, зачастую встречающиеся в переводах с латыни текстов, рассчитанных на использование для церковных нужд.²⁷ Очевидно, с литературной обработкой связаны некоторые дополнения и изменения текста, зачастую сочетающиеся с буквально переведенными фрагментами. Ср.:

²⁷ Переводы канонических текстов основаны на буквализме, поскольку их «передача < > древними переводчиками < > определялась и поддерживалась опасениями быть обвиненными в еретичестве» (Гарковский Р Б О системе пословного перевода в России XVII в // ТОДРЛ Л, 1974 Т 29 С 244) Однако до сих пор не определена дистанция в системе переводов канонических текстов и памятников, переведенных одновременно и параллельно с ними и находящихся в непосредственной с ними связи

В качестве примеров переводов, выполненных с латыни по необходимости церкви, можно привести переведенную в Геннадиевском кружке при составлении Пасхалии на восьмую тысячу лет восьмую книгу трактата Дюрана «*De rationale divinorum officiorum*», выполненный Дмитрием Герасимовым в 1503 г перевод трактата Николая де Лиры «*Disputatio contra perfideam judeorum*» и переведенные при составлении Геннадиевской библии с Вульгаты отдельные библейские книги и комментарии к ним. Причем если переводы трактатов и Дюрана, и де Лиры, и библейских текстов отличаются чрезвычайным буквализмом и обилием латинизмов, в результате чего становятся неудобопонятными для русского читателя, то комментарии к «латинским» библейским книгам, будучи в большинстве случаев весьма точным переводом латинских оригиналов, выполнены гораздо более удачно с точки зрения современного (конца XV в) русского языка Ср

Свѣт же душе человечестѣи Богъ есть, Егоже кто познает
 Lumen autem mentis humanae Deus est, quem quis cognoverit,
 и в сердце свое Его примет
 et in pectus — — admiserit (1-я глава «De ira Dei»),
 Паки же Богъ познанъ имаетъ быти, в Немже то в самомъ правда
 Deus igitur noscendus est, in quo — solo — veritas
 есть
 est (там же),

В сей первого сего деля чясти о году солнечномъ беседуется,
 In hac prima huius operis parte de anno solarі tractatur
 яже в четыре поделится частьцы В нихже первая беседуется,
 Que in quattuor subdividitur particulas In quarum prima agitur
 что есть год
 quid sit annus (перевод трактата Дюрана «De rationale divinorum officiorum» приведен по рукописи РНБ Погод № 1121, л 1 об, латинский — по изданию De rationale divinorum officiorum Guilelmi Minatensis episcopi Arhentine, 1486, шифр РНБ 9 23 5 4),

Сие же бѣ ложно аще имя Божества сущее себѣ восхищаетъ
 Hoc autem esset falsum, si nomen Divinitatis proprium sibi usurparet
 и темъ имѣнемъ нарицати ся попустил, ни аще по истиннѣ Богъ
 et illo nomine vocari se permetteret, nisi secundum veritatem Deus
 бѣ
 esset (Федорова Е С Трактатъ Николая де Леры «Probatio adventus Christi» и его церковно-славянский переводъ конца XV в М, 1999 С 82—83)

И дѣмона именемъ Аздедеосъ убилъ ихъ скоро, яко
 Et daemonium nomine Asmodeus occiderat eos mox ut
 вшедша бяху к ней
 ingressi fuissent ad eam (Геннадиевская библия, Тов 3 8, калькирование депонентного глагола объясняетъ избыточное с точки зрения славянского языка *вшедша бяху*),

кодексъ иже есть книга в которой стоятъ розныя книги
 Codex dicitur hoc codex libri quoddam in quod continentur diversi libri partiales (Ромодановская В А Об источникахъ и характерѣ энциклопедическихъ глоссъ Геннадиевской библии // ТОДРЛ СПб, 2000 Т 52 С 144)

Разница между переводами первыхъ двухъ и третьяго типовъ текстовъ столь велика, что породила, с одной стороны, неоднократныя высказыванія об ограниченности переводчика в знаніи латыни (см Горский А В, Невоструев К И Описание славянскихъ рукописей С 48) или о переводе какъ «мало удовлетворительномъ по своей темнотѣ» (Соболевский А И Переводная литература С 255), а с другой стороны, позволила выдвинуть предположеніе о заимствованіи комментариевъ къ «латинскимъ» библейскимъ книгамъ изъ одного изъ многочисленныхъ хорватскихъ «цитатниковъ» (Евсеев И Е Геннадиевская библия 1499 года С 6—7), опровергнуть которое стало возможнымъ лишь после выявленія всехъ западныхъ источниковъ комментариевъ (см Wimmer E Zu den katholischen Quellen der Gennady-Bibel // Forschung und Lehre Abschiedsschrift zu Joh Schröpfers Emeritierung und Festgrüß zu seinem 65 Geburtstag Hamburg, 1975 S 444—458, Копреева Т Н Западные источники в работѣ новгородскихъ книжниковъ конца XV—начала XVI в // Федоровскіе чтенія 1979 М, 1982 С 138—152, Платонова И В Перевод в риторическомъ типѣ культуры Переводческая техника в Геннадиевской библии 1499 г Дисс канд филол наук М, 1997 С 85—87, Ромодановская В А Об источникахъ и характерѣ)

Проблема принциповъ перевода различныхъ текстовъ требуетъ самостоятельнаго и глубокаго исследования, однако даже на основѣ представленныхъ примеровъ можно предположить, что речь в подобныхъ случаяхъ должна вестись отнюдь не о *качествѣ* перевода, но о разныхъ взглядахъ переводчика (и — заказчика перевода?) на разные типы текста в строгой зависимости отъ *назначенія* перевода

Поиду нынѣ к тому, что есть превышняго добраго того дѣла и
 Venio nunc ad ipsum quod est summum — operis hujus et
 пребольшаго, да научимъ которымъ обычаемъ и коими
 maximum, ut doceam quo ritu, — quoque
 жрътвами Богъ иматъ почитаемъ быти
 sacrificio Deum coli oporteat (1-я глава «De Divinis...»).

К литературной обработке может быть также отнесена нормализация синтаксиса, в результате чего в тексте нет какого бы то ни было латинского «акцента». Ср., например: Quia mens hominis, tenebroso corporis domicilio circumsepta > Ум убо человека, темным прибыткомъ тѣла ограженыи (глава 1 «De ira Dei»). В этом случае переводчик использует обычную транспозицию (corporis domicilio > прибыткомъ тѣла), в результате которой порядок слов в итоговом тексте становится привычным для славянского читателя.

В следующем примере мы сталкиваемся уже с более сложной обработкой переведенного текста. Debemus hunc omnes et amare, quod pater est; et vereri, quod dominus; et honorificare, quod beneficus; et metuere, quod severus > Но мы вси должны есмы любити Его того ради, еже есть отецъ, а бояти ся, понеже есть Господь, а честити того ради, еже есть благии дѣлатель, а трепетати про то, еже есть скорый мьстителъ злаго (глава 24 «De ira Dei»). Кроме транспозиций в предложение вводится местоимение 1-го л. мн. ч. *мы*, причинный союз *quod* 'потому что' переводится несколькими развернутыми вариантами: *того ради еже, понеже, того ради еже, про то еже*, соединительный союз *et* 'и', напротив, систематически переводится разделительным *а* (в большинстве случаев латинскому *et* соответствует *и*). Не только в первую, в соответствии с оригиналом, но и в последующие оппозиции данного отрывка вводится связка *есть*, в результате чего в большей степени ощущается синтаксический параллелизм, нежели это было бы возможно в подстрочнике. Заключительная оппозиция представлена переводчиком в вольной интерпретации: *metuere, quod severus* 'страшиться, потому что суров' > трепетати про то, еже есть скорый мьстителъ злаго. Трудно предположить, что переводчику не было известно слово *severus*, очевидно, переведя его как «скорый мьстителъ злаго», переводчик не упустил случая придать тексту более острую догматическую окраску.

В примере из 2-й главы «De Divinis Institutionibus» кроме отмеченных уже транспозиций, наиболее частого приема обработки текста, можно видеть чисто синтаксические способы русификации перевода: *Vel si coeleste lumen, quod dicimus solem, contemplari velint, jam sentiant quam non indigeat lucernis eorum Deus, qui ipse in usum hominis tam candidam lucem dedit* > или къгда бы на небесную свѣтлость, еже есть солнцѣ, позрѣти хотѣли, уже бы разумѣли, каков Богъ есть: свѣщъ их не требует, понеже Он на потребу человеку сътворилъ такову преясную свѣтлость. Пассивная конструкция подчиненного предложения переводится в актив, при этом сочетание *coeleste lumen* 'небесное светило' в соответствии с согласованием глагола *позрѣти* обретает предлог: *на небесную свѣтлость*. Характерно, что, несмотря на уточнение *quod dicimus solem* (еже есть солнцѣ), переводчик использует как соответствие *lumen* абстрактное *свѣтлость*.

К особому типу редакторской правки может быть отнесено последовательное (в тех случаях, когда это соответствовало замыслу славянского книжника) устранение имеющихся у Лактанция отсылок к конкретным источникам и положениям (при публикации параллельного текста эти отсылки сохраняются, но выделяются в латинском оригинале курсивом). К таковым относятся: *in libris de Legibus* (гл. 14 «De ira Dei»), *sicut saepe docui* (гл. 15 «De ira Dei»), *quam stoici posuerunt* (гл. 13 «De ira Dei»), *quod Anaxagoras putavit* (гл. 1 «De Divinis Institutionibus»), *propter quod a poetis fontes nuncupatur* (гл. 2 «De Divinis Institutionibus»). Эта правка проведена весьма последовательно и явным образом преследовала цель не вводить в славянский текст отсылки на дополнительные, не знакомые славянскому читателю источники.

В результате тщательной литературной обработки из славянского текста исключается какое бы то ни было влияние латинского оригинала, впрочем, несколько указаний на него сохранилось. В предисловии к тексту приведено латинское название сочинения блаж. Иеронима: «Де вирис иллюстрибус» («De viris illustribus»). Имена собственные в предисловии и в тексте трижды представлены в латинской форме: Лактанциус Фирмианус (Lactantius Firmianus), Съкратес (Socrates), Тулиус (Tullius), которые сочетаются с двумя чешскими транскрипциями, для них характерна была мена лабиализованных *u* — *o*: Маркос (Marcus), Еликуриос (Ericurus). Подобное сочетание традиционных латинских транскрипций с чешскими, вероятно, объясняется тем, что латинский текст мог быть прочитан чехом, который привнес особый акцент. Кроме того, глосса на л. 251 об. «лиус» к имени собственному Маркос Тулиус явным образом фиксирует именно латинский источник текста, поскольку в большинстве печатных изданий Лактанция XV в. в 14-й главе «De ira Dei» имя Цицерона сокращено: «Mar[cius] Tul[lius]»; явная расшифровка латинского сокращения, представленная в глоссе, в сочетании с чешской формой «Маркос», очевидно, может подтвердить предположение, что в основе перевода был латинский текст, прочитанный чехом.

Однако принадлежащий в целом русскому изводу церковнославянского языка славянский текст изобилует лексическими и грамматическими богемизмами.

Примерами лексических богемизмов служат слова *бранити* (предисловие; с глоссой *хранити*) в значении ‘защищать’,²⁸ *прибытком* (гл. 1 «De ira Dei») — ‘жилищем’, *досягнути* (там же) — ‘достать, достичь’, *порушение* (гл. 15 «De ira Dei») — ‘повреждение’, *прироженю* (там же) — ‘природой, естественностью’, *цтность* (там же и гл. 20 «De orificio Dei»; в глоссе как вариант слов *силы* и *крѣпность*, первый раз с толкованием: «цтность, сила или крѣпность, или мужество») — ‘добродетель, достоинство’, *знамостю* (гл. 13 «De ira Dei») — ‘знакомством’, *жадает* (гл. 1 «De Divinis Institutionibus») — ‘просит’, *жадостеи* (там же) — ‘просьб, желаний’, *годование* (гл. 4 «De Divinis Institutionibus») — ‘пирование’, *прѣторжен* (там же) — ‘разорван’, *добы* (там же) — ‘время’ и др.

²⁸ Переводы чешских слов приводятся по: Чешско-русский словарь. М.; Прага., 1976. Т. 1—2.

В последнем случае избыточный контекст славянского перевода (*в добы в дни* при единственном в оригинале *in consequendis*) позволяет предположить введение в славянский текст глоссы, первоначально предлагавшей еще один вариант перевода.

К примерам морфологических богемизмов кроме форм, отмеченных А. И. Соболевским, можно отнести форму 3-го л. ед. ч. глагола *připisovati se* 'приписывать, придавать': *připisуется*, отличающуюся от русского соответствия лишь суффиксом *-и-*, (гл. 15 «De ira Dei»); форму предл. пад. ед. ч. *bogi: нѣсть при Богу* (гл. 13 «De ira Dei»); предлог *do* 'в': *do ada* (гл. 4 «De Divinis Institutionibus») и др. Значительный объем богемизмов в относительно небольшом тексте вряд ли может быть случаен.

В некоторых случаях между тем попытка исключить богемизмы в тексте славянского перевода прослеживается при анализе глосс, сопровождающих текст рукописи Софийск. № 1454. К таковым относится пример из предисловия к тексту: *бранити*, сопровождаемое глоссой *хранити*, причем глосса в данном случае несет основную смысловую нагрузку и снимает семантическую дистанцию между русским *бранить* и чешским *braniti*. Во фрагменте 14-й главы «De ira Dei» глосса к глаголу *ся дивовати* представляет русский вариант глагола *дивити*. Глоссы к фрагментам 15-й главы «De ira Dei» и 20-й главы «De officio Dei» с полным основанием можно назвать лексикографическими. Как перевод латинского *virtus* 'мужество, сила, доблесть, достоинства, добродетель' в первом случае в тексте представлено *силы*, а в двух последующих — *крѣпость*. Во всех трех случаях перевод *virtus* сопровождается маргиналией *цнность*, причем в первом случае приводится толкование богемизма: «цнность, сила или крѣпость, или мужество», т. е., обосновывая через слово *ctnost* ('добродетель, достоинство') подбор слов *сила* и *крѣпость*, переводчик не только уточняет значение *virtus*, но не пренебрегает в свою очередь переводом чуждого для русского читателя богемизма.

Кроме маргиналий, относящихся к чешским элементам, и обычных для рукописного текста исправлений писцовых недочетов можно отметить еще несколько небезынтересных случаев редакторской правки на полях. В предисловии к тексту к эпизоду «а и иных нѣколько глав христьянскихъ есть написано» приводится исправление слова *христьянскихъ: добрыхъ*. Внесение этого исправления может быть связано с предшествующим противопоставлением *а и иных*, подчеркивающим наличие выписок из второго источника, но не исключающих «неблагонадежного» прочтения в отношении христианской направленности источника первого. Дабы такую опасность исключить, переводчик предлагает замену на более нейтральное *добрыхъ*. Кроме того, предложенная автором предисловия замена подчеркивает и его отношение к переводимому тексту как к принадлежащему определенной — католической — христианской конфессии; в случае подобной замены приятие иноконфессионального для православных источника прочитывается недвусмысленно.

В первом фрагменте 1-й главы «De ira Dei» проведена систематическая замена слов *неумѣиелумѣие* на *немудрость/мудрость*, при латинских соответствиях *ignoratio* 'незнание, неведение', *scientia* 'знание, умение', *inscientia* 'незнание,

неумение'. Буквальному переводу латинского оригинала в большей степени соответствует изначальный вариант славянского текста, который впоследствии переводчик заменяет на более абстрактные понятия. Предположить обратную замену (т. е. что исправления могли быть внесены в текст, а первоначальный вариант вынесен на поля) в данном случае трудно, поскольку слишком очевидным представляется движение от благоприобретенных категорий (умение может быть приобретено опытом или образованием) к извечным (мудрость дана изначально от Бога); в тексте Лактанция подобная трактовка отсутствует. Кроме того, эта правка связывает данный фрагмент со вторым фрагментом той же главы, где слово *мудрость* является адекватным переводом латинского *sapientia* 'благоразумие, мудрость, философия', имеющего в свою очередь определение *humana* 'человеческая', которое переведено как *людскаа*, а впоследствии выправлено на полях на несколько более общее *человечьскаа*.

Стремлением избежать двусмысленности обусловлено маргинальное исправление к первому фрагменту 14-й главы «De ira Dei», где в выражении «учинил, якоже епископа храму Божию» слово *епископа* (лат. *antistitem* 'смотритель, надзиратель, первосвященник') имеет на полях параллель *стража*.

Во втором фрагменте той же главы маргиналия *състоит ся*, относящаяся к слову *лежит* (лат. *consistit* 'состоит, заключается'), иллюстрирует редакторскую правку, направленную на сближение славянского текста и латинского оригинала и подчеркивающую первоначальный достаточно свободный характер перевода, поскольку для переводческой практики этого времени в большей степени характерно было именно калькирование латинской приставки *con-* как славянского *съ-*.²⁹ Первоначальный вариант перевода *consistit* как *лежит* без исправления представлен во фрагменте 1-й главы «De Divinis Institutionibus».

Таким образом, текст рукописи РНБ, Софийск. № 1454, озаглавленный как «нѣкоторые вещи въкратцѣ выписаны» и приписанный римскому апологету Лактанцию, представляет собой совершенно самостоятельное сочинение, *составленное* из отдельных фрагментов трех основных догматических трактатов Лактанция. Логика изложения в тексте и направленная на объединение фрагментов редакторская правка лишь подтверждают, что текст создавался как единое целое. О назначении этого философского произведения сказано в авторском

²⁹ См. Ромодановская В. А. Геннадиевская библия 1499 г. С. 12 Ср. сходную ситуацию при переводе греческой приставки συν- в текстах Стишного Пролога συνυκεκομμένην > сосъчена (св. Анфия, 15 декабря, см. Cresci L. R., Skomorochova-Venturini L. I versetti del Prolog Susynoj Traduzione slava dei distici e monostici di Cristoforo di Mitilene (Mesi settembre, ottobre, novembre 1—25, dicembre, gennaio 1—11, aprile) Torino, 1999 P. 227)

В переводе Лактанция калькированием приставки *con-* обусловлен подбор эквивалента к латинскому *conscientia* 'осведомленность, сознание, совесть' > съвьсть, при адекватном, с первого взгляда, переводе, контекстуально более уместно было бы «осведомленность», однако переводчик пренебрегает контекстом, калькируя латинское слово и тем самым выявляя его внутреннюю форму. Подобные кальки зачастую встречаются в текстах Геннадиевской библии (см. об этимологических переводах Платонова И. В. Риторика средневекового перевода (Геннадиевская Библия 1499 г. как первый опыт церковнославянского грамматического перевода) // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999 С. 87—92, 95—100)

предисловии: «могут послужити к тому, како и чим имают Бога чтити а како почьсты Божия бранити (хранити)». Несомненно, сохранившая текст рукопись является вторичным списком, который, возможно, отделен от автографа каким-то промежутком времени и не является непосредственной копией с него, однако легкость, с которой могут быть объяснены все «темные» места текста, — весомое свидетельство того, что текст представлен в близкой к авторской редакции.

Создано это произведение могло быть только на русской почве. К концу XIII—началу XIV в. на Западе складываются различного рода теории о роли автора как создателя произведения и компилятора как его интерпретатора, однако все они в большей степени касаются либо произведений, созданных для нужд церкви, например проповедей,³⁰ либо связаны с особым типом *сборниками*, в которых принадлежность текста *различным* авторам обуславливается одной темой или назначением и, как правило, либо текст разбивается на главы или статьи, либо, в случаях комментирования, к примеру, Священного Писания, отбор и порядок фрагментов диктуются комментируемым текстом.³¹ При этом выдержки из сочинений отцов Церкви могли быть использованы лишь в качестве цитат, однако не отмечены случаи создания самостоятельных *произведений*, основанных на «выписках» из патристики. Тем более эта ситуация не может быть приложима в западной литературе к сочинениям Лактанция, открытого, как уже было сказано, широким кругам читателей лишь с развитием гуманистической мысли XIV—XV вв.

В литературе Древней Руси ситуация была иная. Основанная на традициях византийской литературы, анонимная литература Древней Руси изначально как данность восприняла многовековой опыт *изборников* и *выписок*, в принципе отличный от авторской литературы Западной Европы.³² В отношении литературы XVI—XVII вв. с полной определенностью можно сказать, что *компилятивный* характер был основным в числе литературных приемов и таких известных книжников, как Максим Грек и протопоп Аввакум.³³

В отношении представленного текста можно говорить о совершенно особой ситуации. Явный компилятивный характер текста, оформленного как цельное произведение, несмотря на определение его как «вещи въкратцѣ выписаны», вполне закономерно ложится в рамки древнерусской литературной теории. Однако не противоречат ли ей, во-первых, четкое определение Лактанция как автора данного текста (каковым он, собственно говоря, не был, поскольку компилятивный текст в конечном счете является интерпретацией, основанной на

³⁰ См.: Haimerl F. X. *Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands*. München, 1952. S. 20—59.

³¹ О формировании теории и типах текстов см.: Parkes M. B. *The Influence of the Concepts of Ordinatio and Compilatio on the Development of the Book // Medieval Learning and Literature. Essays presented to Richard William Hunt*. Oxford, 1976. P. 115—138.

³² См.: Архангельский А. *Изборники // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон*. СПб., 1894. Т. 12-А. С. 815—819.

³³ См. подробно: Буланин Д. М. *О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3—13.*

сочинениях римского апологета), во-вторых, весьма конкретное указание источников данного произведения (трактаты «De ira Dei» и «De Divinis Institutionibus»; указания на использование «De opificio Dei» в предисловии к славянскому тексту нет)? Интерес к вновь открытому и широко читаемому в это время в Западной Европе христианскому философу подчеркивает европейскую образованность и осведомленность в гуманистической литературе славянского переводчика сочинений Лактанция. Перевод выдержек из трактатов Лактанция и объединение их в цельный текст, вполне вероятно, преследовали цель познакомить русского читателя с основными положениями догматических работ Лактанция, однако столь вольное с точки зрения европейского авторского права обращение с патристическими сочинениями позволяет предположить «комбинированное» отношение переводчика к создаваемому им тексту: при интересе к латинской патристике, при сохранении внешних отсылок к автору трактатов и определению источников, при названии текста «вещи выписаны» переводчик явным образом пользуется приемами построения *древнерусского* текста, причем, несмотря на заметную при сопоставлении с латинским текстом поэтапную редакторскую правку переведенного текста, использование древнерусского приема *компилирования* никоим образом нельзя назвать неумелым. Автором-переводчиком представленного текста мог быть либо получивший европейское образование русский, либо европеец, осевший в России и овладевший приемами и принципами восточнохристианской литературы.

Отсутствие до второй половины XVI в. переводов Лактанция на какие-либо языки, в равной степени как и отсутствие данных о существовавших, рукописных или печатных, средневековых переводах на чешский язык (их в качестве оригинала данного текста предполагал А. И. Соболевский) не позволяет на сегодняшний день говорить об ином, нежели латинский, источнике этого текста. Между тем, несмотря на тщательное устранение латинского «акцента», в тексте много богемизмов, которых, несмотря на старания переводчика, избежать не удалось. Не могут ли эти особенности языка перевода подсказать, в каких кругах следует искать создателя произведения? В 90-х гг. XV в. на Руси известен лишь один человек, непосредственным образом связанный с чешской культурой. Я имею в виду переводчика «латинских» книг для Геннадиевской библии доминиканца Вениамина, прибывшего в Новгород в конце 1480-х гг. из Эммаусского монастыря близ Праги.³⁴

О Вениамине достоверно известно лишь, что он принадлежал доминиканскому монашескому ордену, а «родом» был «славенин», а также что он принимал участие в переводе библейских книг.³⁵ Многочисленные хорватские элементы, присутствующие в Геннадиевской библии, позволили А. И. Соболев-

³⁴ См.: Соболевский А. И. Переводная литература... С. 258. Уточнение относительно того, что Вениамин пришел именно из Эммаусского монастыря, принадлежит Г. Фрайдгофу (Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien... S. 13). Подробнее о деятельности Вениамина по переводу библейских книг см. в литературе о Геннадиевской библии.

³⁵ См. запись о нем в рукописи РНБ, Погод. № 84, л. 360 об.; сборник второй половины XVI в., копия черновика переведенных с латыни библейских книг.

скому утверждать, что Вениамин был хорватом по национальности,³⁶ однако нельзя упускать из виду, что хорватский извод церковнославянского языка был принят в Эммаусском монастыре в качестве богослужебного языка³⁷ — и соответственно был нормативным при переводе Вениамином библейских книг с латыни в кружке новгородского архиепископа Геннадия.

Чешское же влияние, хотя и не столь значительное, как в переводе Лактанция, в «латинских» книгах Геннадиевской библии все же наблюдается.³⁸ Наиболее показательно прочтение имен собственных, содержащихся в библейских книгах, в чешской огласовке,³⁹ однако в «латинских» библейских текстах содержатся и «скрытые» — неочевидные и приемлемые для русского читателя — лексические богемизмы, например, *лядвия* (1 Мак. 2: 24, с глоссой *внутренняя*; лат. *renes* 'почки, чресла'; ср. чеш. *ledviny, ledvi* 'внутренности, почки'), *туки* (2 Пар. 7: 7; лат. *adipes* 'жир, сало'; ср. чеш. *tuk* 'жир'), *мѣста* (1 Пар. 2: 23, с глоссой *городки*; лат. *oppida* 'крепость, город'; ср. чеш. *město* 'город') и др. Особенно показательны в данном случае вариативные глоссы на полях, подчеркивающие, что употребленное в тексте слово вызывало сомнения; глоссы отмечены во всех списках «латинских» книг Геннадиевской библии и без сомнения восходят к моменту перевода.

Кроме того, в Геннадиевской библии отмечена мена *и — о* в транскрипциях латинских слов, сходная с переводом Лактанция: *кардос* (2 Пар. 25: 18; лат. *Cardus*), *анотекаром* (2 Пар. 16: 14; лат. *pigmentariorum*, в данном случае — перевод одного латинского слова другим) и др.

Деятельность Вениамина в Новгороде не ограничилась переводом библейских книг: именно ему атрибутировано написанное по заказу архиепископа Геннадия «Слово кратко противу тех, иже в вещи священныя, подвижныя и неподвижныя, вступаютя и отъимати дерзают».⁴⁰ Среди отмеченных А. Д. Григорьевым особых словоформ, встречающихся в тексте «Слова кратка...»,⁴¹ также немало «скрытых» богемизмов, причем ощущаются они в этом тексте даже очевиднее, нежели в Геннадиевской библии. Вот несколько примеров. В *многих подобнищѣх*⁴² 'примерах' — чеш. *podobnost* 'сходство'; *поволит* 'позволит' —

³⁶ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 255—258.

³⁷ См.: Huňáček V. Klášter na Slovanech a počátky východoslovanských studií u nás // Z tradic slovanské kultury v Čechách: Sázava a Emauzy v dějinách české kultury. Praha, 1975. S. 175—185.

³⁸ А. И. Соболевский отмечал, что в переводах библейских книг наблюдается «полное отсутствие полонизмов и чехизмов» (Соболевский А. И. Переводная литература... С. 257).

³⁹ См.: Ромодановская В. А. Геннадиевская библия 1499 г. ... С. 12—14.

⁴⁰ См.: Григорьев А. Д. [Предисловие]. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ // Попов А. Н. Библиографические материалы. М., 1901. Вып. 21. С. 1—XXX; Седелников А. Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС. 1925. Л., 1926. Т. 30. С. 205—225.

⁴¹ См.: Григорьев А. Д. [Предисловие]. С. XX—XXIII.

⁴² Это слово встречается в переводе грамматики Доната, выполненном Дмитрием Герасимовым, в значении 'образец склонения, грамматический термин'. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 21; Ягич И. В. Донатус в русском переводе Дмитрия Толмача и других // Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Berlin, 1896. С. 824.

чеш. *provóliti* 'разрешить, позволить'; *ostrога*⁴³ 'шпора' — чеш. *ostruha* 'шпора'; *удѣлано* 'сделано, составлено' — чеш. *udělati* 'сделать' и др. Возможно, чешского происхождения и многочисленные наречия в «Слове кратке...», оканчивающиеся на -ѣ: *любнѣ*, *сушьственѣ*, *щедрѣ*, *милосердѣ* и др. Ср. чеш. *odvažně* 'храбро', *štedřě* 'щедро', *milosrdně* 'милосердно'.

Кроме того, вполне вероятно, что в Новгороде Вениамин занимался обучением греческому и латинскому языкам; об этом свидетельствует детальный анализ греческих рукописей его «келейника» Тимофея Вениаминова.⁴⁴

Возможная принадлежность авторства перевода доминиканцу Вениамину подтверждается и составом содержащего текст Лактанция сборника Софийск. № 1454, в котором находятся восходящие к Геннадиевскому литературному кружку переводы, — Первоначальная редакция Прения живота и смерти и библейские книги: 21-я глава 1 Пар., Товит и Иудифь.

В отношении перевода Лактанция остается открытым еще один немаловажный вопрос: с какого латинского издания перевод мог быть осуществлен. Если принять предположение, что перевод мог быть выполнен в рамках работы Геннадиевского литературного кружка в Новгороде, то верхней границей времени перевода будет 1504 г., когда Геннадий вынужден был оставить архиепископскую кафедру и вернуться в Чудовский монастырь в Москву; о деятельности кружка после отъезда Геннадия из Новгорода определенных данных нет. Таким образом, по всей вероятности, оригиналом перевода могло послужить издание догматических сочинений Лактанция XV в.

Как уже было отмечено, в XV в. в свет вышло 13 изданий «Орега» Лактанция, из них *de visu* удалось ознакомиться с 7, имеющимися в собрании Отдела редких книг РНБ. Состав остальных изданий известен из каталогов инкунабул американских⁴⁵ и бельгийских⁴⁶ библиотек. В состав всех «Орега» входят все три использованных для составления русского текста трактата, однако внимание обратили на себя четыре издания, в состав которых включен посвященный Лактанцию фрагмент «*De viris illustribus*» блаж. Иеронима (ссылка на «*De viris illustribus*» имеется в предисловии к русскому тексту: «егоже въспоминает Иероним в книгах „Де вирис иллюстрибус“»). Это издания, выпущенные

⁴³ Слово *ostrога* в том же значении встречается в грамоте о приезде в Москву римского посла Юрия Делатора: «Да тутож на отпускѣ пожаловал Князь Великий Максимианова посла Юрья Делатора, учинил его золотоносцем, дал ему чепь золоту со крестом, да шубу отлас с золотом на горностаѣх, да *ostrоги* серебряны золочены» (Приезд в 1490 году в Москву Юрия Делатора, посла Короля Римскаго Максимилиана, переговоры с ним и отправление обратно // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Ч. 1: Сношения с государствами европейскими. Т. 1: Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. Стб. 34; курсив мой. — В. Р.). Также см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 160. Находящееся по соседству слово *чепь* утверждает новгородское происхождение памятника.

⁴⁴ См.: Ф о н к и ч Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 25—44.

⁴⁵ *Incunabula in American Libraries...* P. 371—372.

⁴⁶ *Polain M.-L. Catalogue des livres imprimés au quinzième siècle des bibliothèques de Belgique.* Bruxelles, 1932. T. 3: L—S. P. 1—6.

1) Рим, 1468; 2) Венеция, 1472; 3) Росток, 1476; 4) Венеция, 1493. Два последних издания, ростокское 1476 г. и венецианское 1493 г., имеющиеся в РНБ, напечатаны с римского 1468 г.⁴⁷ О венецианском издании 1472 г., к сожалению, даже опосредованно судить не приходится.

Текстологическая сверка текста перевода Лактанция была проведена со всеми имеющимися в РНБ изданиями. Приведу несколько наиболее характерных примеров.⁴⁸

гл. 1 «De ira Dei»:

Ум убо человека, темным прибытком тѣла огражении далеко от съврѣшения правды есть удален.

Quia mens hominis, tenebroso corporis domicilio circumsepta, longe a veri¹ perfectione² summota est

¹Dei — 5, 6, 7 ²perspectione — 6

Чтение ¹ группы 5, 6, 7 с остальными изданиями расходится со славянским текстом: *veri* 'истинного' > *правды*, но не *Dei* 'Бога'. Чтение ² издания 6 также противоречит переводу: *perfectione* 'завершения, совершения' > *съврѣшения*, но не *perspectione* 'постижения'.

гл. 24 «De ira Dei»:

а трепетати про то, еже есть скорыи мѣститель злаго
et metuere, quod severus¹

¹servus — 6

Чтение ¹ издания 6 вновь противоречит славянскому тексту: при адекватном переводе *severus* 'суровый, неумолимый' > *скорыи мѣститель злаго* невозможен перевод данным выражением латинского *servus* 'раб, невольник'.

гл. 8 «De ira Dei»:

Тогдаже вѣруем живи быти пред Богом
si credamus nos in conspectu Dei vivere¹

¹venire — 4

⁴⁷ Pichon R. Lactance. P. XVI

⁴⁸ Поскольку пять из семи имеющихся в РНБ изданий Лактанция выпущены в Венеции, наиболее удобным представляется их условное обозначение для текстологической сверки порядковыми номерами, соответствующими порядку картотеки, в скобках — шифр РНБ

1 Lactantius, Lucius Coelius Firmianus Opera Roma, 1474 (9 8 5 1)
2 Lactantius, Lucius Coelius Firmianus Opera Rostock, 1476 (9 5 2 18)
3 Lactantius, Lucius Coelius Firmianus Opera Venetis, 1478 (9 24 4 1a)
4 Lactantius, Lucius Coelius Firmianus Opera Venetis, 1478 (9 9 3 1a)
5 Lactantius, Lucius Coelius Firmianus Opera Venetis, 1490 (8 2 4 4)
6 Lactantius, Lucius Coelius Firmianus Opera Venetis, 1493 (9 6 4 11)
7 Lactantius Lucius Coelius Firmianus Opera Venetis, 1497 (8 4 6 13)

Чтение ¹ издания 4 не соотносится с переводом: *venire* 'прийти' не может быть переведено как *живи быти*, в то время как *vivere* 'жить' является адекватным.

гл 2 «De Divinis Institutionibus»:

уже бы разумѣли, каков Бог есть: свѣщъ их не требует

jam sentiant¹ quam non indigeat lucernis eorum Deus

¹слово отсутствует — 5, 6, 7

Представленное в переводе *разумели* восходит к *sentiant* 'почувствовали бы, заметили бы'; отсутствие этого слова в группе 5, 6, 7 явно противоречит славянскому тексту.

Как видно из приведенных примеров разночтений, основанных на незначительных различиях инкунабул, текст рукописи Софийск. № 1454 более всего соответствует изданиям 1, 2, 3, с которыми разночтений не выявлено. Присутствие в издании 2 (Lactantius, Lucius Coelius Firmianus. Opera. Rostock, 1476 (9.5.2.18)) выдержки из «De viris illustribus» блаж. Иеронима и отсутствие разночтения текста трактатов Лактанция со славянским переводом обращают на него пристальное внимание и позволяют предположить, что именно оно могло послужить оригиналом для славянского книжника. Выход в свет этой книги именно в немецкой типографии может служить косвенным доказательством этого предположения, поскольку, по наблюдениям Н. Ангермана, до закрытия в 1494 г Ганзейской конторы в Новгород в основном поступали издания, вышедшие в Германии.⁴⁹

К сожалению, недоступность римского издания 1468 г и венецианского издания 1472 г. не позволяет утверждать определенно, что именно ростокское издание послужило оригиналом славянского текста Лактанция, но во всяком случае можно с уверенностью сказать, что одно из этих трех изданий было использовано для знакомства русского читателя с одним из наиболее интересных и ярких отцов Западной Церкви.

Возможно, предстоит еще выявить влияние перевода сочинений Лактанция на последующую литературу Древней Руси. Однако для рубежа XV—XVI вв. сам факт создания подобного произведения чрезвычайно важен. Об обращении литераторов Геннадиевского кружка к схоластическим сочинениям XIII—XIV вв., таким как трактаты Николая де Лиры и Дюрана, уже писалось⁵⁰ Но на фоне интереса новгородских книжников к схоластическим учениям нельзя за-

⁴⁹ См Angermann N Kulturbeziehungen zwischen dem Hanseraum und dem Moskauer Russland um 1500 // Hansische Geschichtsblätter 1966 Bd 84 S 20—33

⁵⁰ См Федорова Е С Трактат Николая де Лиры, Бенешевич В Н Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия // Сб статей в честь А И Соболевского Л, 1928 С 378—380 (ИОРЯС Т 101, № 3), Романова А А Состав и редакции «Предисловия святым» // Опыты по источниковедению Древнерусская книжность Редактор и текст СПб, 2000 Вып 3 С 168—171

бывать о привлечении к комментариям библейских текстов «Vocabularii brevilocui» известного немецкого гуманиста, современника сотрудников архиепископа Геннадия Иоанна Рейхлина.⁵¹

Перевод выдержек из Лактанция позволяет говорить об интересе не только к гуманистической европейской литературе, о чем известно пока очень мало, но о стремлении к глубокому и основательному знакомству с основами западной культуры и католических догматических учений. Это ни в коей мере не противоречит православной ориентации новгородского архиепископа, поскольку деление патристики на западную и восточную до официального разделения церквей в 1054 г. надо признать достаточно условным.⁵² В большей степени можно говорить о заполнении лакуны, в которой сочинения Лактанция должны были занять равновеликое положение с трудами восточных отцов. Состав сборника РНБ, Софийск. № 1454, включающий произведения как Василия Великого, Исаака Сирина, Иоанна Златоуста и Григория Синаита, так и Григория Римского, лишней раз это подчеркивает.

Более того, создание на основе выписок из Лактанция единого текста, выстроенного в форме самостоятельного богословского трактата, подтверждает тенденцию к формированию в Новгороде конца XV в. богословия как науки. Действительно, если до знакомства с этим текстом как европейские богословские веяния можно было рассматривать лишь составление библейского кодекса, комментарии к нему и факты перевода книг Библии и схоластических трактатов, то в данном случае можно говорить о *создании* текста, претендующего на самостоятельное существование.

* * *

Далее приводится публикация параллельного текста перевода Лактанция с латинским оригиналом. Публикация подготовлена по следующим правилам.

В левом столбце приводится латинский текст по наиболее близкому славянскому переводу изданию Lactantius, Lucius Coelius Firmianus. Opera. Rostock, 1476 (шифр РНБ, 9.5.2.18). Фрагменты выстроены в соответствии с порядком их в славянском переводе. На левое поле вынесены номера глав и сокращенные названия соответствующих трактатов (De opificio Dei — «De opificio Dei, vel formatione hominis»; Div. Inst. — «De Divinis Institutionibus»; название трактата «De ira Dei» приведено без сокращений). Курсивом выделены не включенные в славянский перевод уточнения. Сокращения издания XV в. раскрыты по PL, пунктуация в латинском тексте также приведена в соответствии с PL.

В правом столбце находится текст перевода Лактанция по рукописи РНБ, Софийск. № 1454, л. 249—257. На правое поле вынесены границы листов, а так-

⁵¹ См.: Копреева Т. Н. Западные источники... С. 150; Ромодановская В. А. Об источниках и характере... С. 138—167.

⁵² В частности, чрезвычайно широко был распространен ранний перевод Бесед Григория Римского, в XVI в. появляются многочисленные списки переводов блаж. Августина, а ссылки на сочинения блаж. Иеронима нередки в старообрядческих сочинениях.

же маргиналии к тексту, местонахождение каждой маргиналии обозначено цифрами, нумерация отдельная на каждой странице; в тех случаях, когда маргиналия относится к нескольким словам, введена цифровая вилка (например, 3—3). Исправления писцовых огрехов в текст не внесены, а оставлены как соответствующие глоссы. В отдельных случаях особого отношения маргинального примечания к выделенному слову использованы следующие сокращения: *add* — *addit/addunt* (добавка текста); *pr* — *praeposit/praeposunt* (прибавка впереди); *tr* — *transponit/transponunt* (перестановка), в последнем случае вместо цифровых обозначений порядка следования слов приводится скорректированный вариант. Текст памятника передается гражданским шрифтом, при этом произведены следующие замены букв: «i» и «i̇» > «и», «ou» и «ŏ» > «у», «a» > «я», «ж» > «у», «w» > «о»; «ъ» в конце слов опускается. Находящийся в середине слова «ъ» и «ѣ» сохранены. Надстрочные буквы внесены в текст, титла раскрыты. Пунктуация современная, ее принципы, за небольшими исключениями, продиктованы латинским текстом. Киноварные фрагменты рукописи переданы жирным шрифтом.

Лактанциус Фирмианус, человек ¹ 249
 благи и мудры бысть в дни
 Константина царя великаго, егоже
 воспоминает Иероним в книгах
 «Де вирис // иллюстрибус» И тѣи ^л 249 об
 убо написа Константинови книги
 многы, в нихже разрушая лжывыя
 и неправыя почести богов, а нака-
 зуа почеть правую единого Бога
 Иже ис тех книг есть зде нѣко-
 торыя вещи въкратцѣ выписаны,
 иже их чтущим в тѣи час могут
 послужити к тому, како и чим
 имают Бога чтити а како почьсты
 Божия бранити¹ А и иных нѣколи-
 ко глав ²христианскихъ есть² напи-
 сано, якоже сам тѣи, кто будетъ
 чести, възможет разумѣти Также
 и ины нѣкыя вѣщи суть ис тѣх книг
 иже писал Донатови

¹хранити
²добрых
 есть

гл I De ira Dei Quia mens hominis, tenebroso corporis domicilio circumsepta, longe a veri perfectione summota est, et hoc differt ab humanitate divinitas, quod humanitatis est ignoratio, divinitatis scientia Unde nobis aliquo lumine opus est ad depellendas tenebras, quibus offusa est hominis cogitatio, quoniam in carne mortali agentes, nostris sensibus divinare non possumus Lumen autem mentis humanae Deus est, quem quis cognoverit, et in pectus admiserit, illuminato corde

Сице убо починается ум убо чело-
 века, темъным прибытком тѣла
 огражены далеко от съвршения
 правды есть удален Еже убо тѣм
 ся дѣлит божество от человече-
 ства, понеже человечества, понеже
 человечеству прилежит неумѣ-
 ние³, а божеству умѣние⁴ Но убо
 потрѣба есть нам нѣкоего свѣ//та к
 прогнанию темноты, еюже огражден
 есть ум человекъ в смертном
 убо тѣлѣ будуще, над умом своим
 царствовати не можем Свѣт же

³немудрость
⁴мудрость
 л 250

<p>mysterium veritatis agnoscet remoto autem Deo coelestique doctrina, omnia erroribus plena sunt Recteque Socrates, cum esset omnium philosophorum doctissimus, tamen ut caeterorum argueret inscitiam, qui se aliquid tenere arbitrabantur, ait se nihil scire, nisi unum, quod nihil sciret Intellexit enim, doctrinam illam nihil habere in se certi, nihil veri</p>	<p>душе человетѣи Богъ есть, Егоже кто познает и в сердце свое Его приимет, тогда имѣет сердце просвѣщено и таинство правды разумеа Идѣже нѣсть Бога и учения небеснааго, все исполнено есть лъжи Но глаголетъ Сѣкратес, иже есть былъ межи всѣми мудреци прѣмудрѣишии, иже убо ¹и иных неумѣнне доказалъ¹, кои ся нѣчто разумѣти доумѣвали², рече бо сам о себѣ, еже ничто не знае, едино то едино, еже ничто не разумѣе Но то есть разумѣл, еже то учение не имѣло в себѣ ничто истинного и ничтоже праваго</p>	<p>¹ немудрость наказал ² мнели</p>
<p>гл 1 De ira Dei Si ergo nulla est sapientia humana, ut Socrates docuit, ut Plato tradidit, apparet esse divinam, nec ulli ali, quam Deo veritatis notitiam subiacere Deus igitur noscendus est, in quo solo veritas est Ille mundi parens, et conditor rerum, qui oculis non videtur, mente vix cernitur Cujus religio multis modis impugnari solet ab his, qui neque veram sapientiam tenere potuerunt, neque magni et coelestis arcani comprehendere rationem</p>	<p>Понеже убо ничтоже есть мудрость людскаа³, якоже Сѣкратес глаголетъ, и Платонъ такожде разумѣ, явѣ есть, еже мудрость Божиа права есть, // к никомуже прилично есть правду разумети развѣ Бога Паки же Богъ познанъ имаетъ быти, в Немже то в самомъ правда есть Онъ отецъ свѣту, онъ сътворительъ всяческихъ, то и очима не можемъ видимъ быти, но в умѣ едва разумѣваемъ Есть егоже почестъ многими обычаи съпротивна отъ тѣхъ иже никосяже мудрости дрѣжати не могли, ни великаго небеснаго таинства разуму досягнути</p>	<p>³человеческаа л 250 об</p>
<p>гл 24 De ira Dei Debemus hunc omnes et amare, quod pater est, et vereri, quod dominus, et honorificare, quod beneficus, et metuere, quod severus utraque persona in eo venerabilis</p>	<p>Но мы вси должни⁴ любити Его того ради, еже есть отецъ, а бояти ся, понеже есть Господь, а честити того ради, еже есть благии дѣлатель, а трепетати про то, еже есть скорый мьстителъ злаго Еже та почестъ ему есть угодна, того же ради да будетъ намъ Богъ не в храмахъ, но сердци⁵ нашемъ просвѣщенъ, понеже разорено будетъ все, иже рукама съдѣлано Очистимъ же тои храмъ, иже не дымомъ, ни прахомъ, нѣ злымъ помышлениемъ оскверняетъ ся, иже не свѣти//лники горящими, но ясностию и свѣтомъ мудрости просвѣщенъ бываетъ В немже всегда вѣруемъ Бога в томъ быти и Его божественую силу И тако живи будемъ, а быхомъ всегда Его милостиваго имѣли и никогда же ся не бояли гневливаго</p>	<p>⁴add есмь</p>
<p>гл 24 De ira Dei Sit nobis Deus non in templis, sed in corde nostro consecratus Destructibilia sunt omnia, quae manu fiunt Mundemus hoc templum, quod non fumo, non pulvere, sed malis cogitationibus sordidatur, quod non cereis ardentibus, sed claritate ac luce sapientiae illuminatur In quo si semper Deum crediderimus esse praesentem, cujus divinitatis potentia, ita vivemus, ut et propitium semper habeamus, et nunquam vereamur iratum</p>	<p>Итакъ дабы Богъ не въ храмахъ, но въ сердци⁵ нашемъ просвѣщенъ, помыслимъ оскверненъ, иже не свѣти//лники горящими, но ясностию и свѣтомъ мудрости просвѣщенъ бываетъ В немже всегда вѣруемъ Бога в томъ быти и Его божественую силу И тако живи будемъ, а быхомъ всегда Его милостиваго имѣли и никогда же ся не бояли гневливаго</p>	<p>⁵pr в л 251</p>

гл 8 De ira Dei	Multum enim refranat homines conscientia, si credamus nos in conspectu Dei vivere, si non tantum quae gerimus, videri desuper, sed etiam quae cogitamus, aut loquimur, audiri a Deo putemus	Многоже правѣ укротитъ человеческую съвѣсть Тогдаже вѣруемъ живи быти пред Богом, когда тако вѣруемъ, еже не толико что творимъ Богъ свѣше видит, но что и мыслимъ или глаголемъ, а Онъ слышитъ	
гл 14 De ira Dei	Sicut mundum propter hominem machinatus est, ita ipsum propter se, tamquam divini templi antistitem, spectatorem operum rerumque coelestium Solus est enim, qui sentiens, capaxque rationis, intelligere possit Deum, qui opera ejus admirari, virtutem potestatemque perspicere	Якоже Богъ сътворилъ миръ человека ради, тако и человека сего ради самого учинилъ, якоже епископа ¹ храму Божия и смотрителя дѣл и вещи небесныхъ Но убо самъ человекъ есть, иже разумъ имѣетъ и въ немъ живетъ, можетъ познати Бога и его дѣломъ ся дивовати ² , а крепость его и силу можетъ зрѣти	¹ стража ² дивити
гл 14 De ira Dei	Unde intelligitur religionis ac justitiae causa esse hominem figuratum Cujus rei testis est Mar[cus] Tul[lius] in libris de Legibus, ita dicens «Sed omnium, quae in doctorum hominum disputatione versantur, nihil est protecto praestabilius, quam plane intelligi, nos ad justitiam esse natos» Quod si est verissimum, Deus ergo vult omnes homines esse justos, id est, Deum et hominem caros habere Deum scilicet honorare tamquam patrem, hominem diligere velut fratrem, in his enim duobus tota justitia consistit Qui ergo aut Deum non agnoscit, aut homini nocet, injuste et contra naturam suam vivit, et hoc modo irrumpit institutum legemque divinam	И тако почести ради Божия и правды человекъ сътворенъ есть Того есть // свѣдѣтель Маркосъ Тулиус ³ , иже тако глаголетъ «Все иже въ гадании премудрыхъ человекъ премѣнение, ничтоже не имѣетъ знаменія истинны, но еже явственно разумети можемъ, понеже къ правдѣ ся есмь народили» Понеже первѣе того Богъ хошетъ, дабы вси люди праведни были, то есть Бога бы и человека любили, Бога честили якоже отца, а человека любили яко брата Въ томъ обоимъ всяка правда лежит ⁴ Про тожде, кто Бога не знаетъ или человека ненавидитъ, тѣи неправѣднѣи и супротивъ естеству своему живетъ, и тѣмъ обычаемъ преступая уставъ и законъ Божии	л 251 об ³ лиус ⁴ състоитъ ся
гл 15 De ira Dei	Hic fortasse quaerat aliquis, unde ad hominem peccata pervenerint, aut quae pravitas divini instituti regulam ad pejora detorserit, ut cum sit ad justitiam genitus, opera tamen efficiat injusta Jam superius explanavi, simul Deum proposuisse bonum ac malum, et bonum quidem diligere, pugnans odisse sed ideo malum permisisse, ut et bonum emicaret, quod alterum sine altero (sicut saepe docui) intelligimus constare non posse, nec potuisse lucem fieri, nisi et tenebrae fuissent, quia nec superum potest esse sine infero, nec oriens sine occidento, nec calidum sine frigido, nec molle sine duro Sic et nos ex duobus eque repugnantibus compositi sumus, anima et corpore quo-	Такоже бы въ правду нѣкто моглъ разсужденіе имѣти, откуда убо человеку грѣхове пришли или которая кривота таково исправленіе божественаго уставленія на горшее обратила Понеже человекъ къ правдѣ/вдѣ нароженъ есть, но дѣла творитъ неправедна, такоже убо явно есть, еже Богъ человеку предложилъ вкупѣ добро и зло, но добро заповѣдалъ любити, а зло, еже есть добру съпротивно, ненавидѣти, а зло того ради допустилъ, чтобы добро могло явлено ⁶ быти Еже тому разумѣемъ, понеже едино безъ другаго быти не можетъ, и не можетъ быти свѣтъ, кѣгда бы тмы не было, а ни когда бы не былъ дол ⁷ , егда бы горы не было А ни есть вѣстокъ безъ	л 252 ⁵ по ⁶ явно ⁷ ниже бы дол был

rum alterum coelo ascribitur, quia tenue est et intractabile, alterum terrae, quia comprehensibile est alterum solidum et aeternum est, alterum fragile atque mortale Ergo alteri bonum adhaeret, alteri malum alteri lux, vita, justitia, alteri tenebrae, mors, injustitia Hinc extitit in hominibus naturae suae depravatio, ut esset necesse constitui legem, qua possent et vitia prohiberi, et virtutis officia imperari

гл 20 De officio Dei

Nam, ut victoria constare sine certamine non potest sic nec virtus quidem ipsa sine hoste Itaque, quoniam virtutem dedit homini, statuit illi ex contrario inimicum, ne virtus otio torpens naturam suam perderet

гл 20 De officio Dei

Noluit enim Deus hominem ad immortalitatem illam beatitudinem delicato itinere pervenire

гл 13 De ira Dei

Deus cum formasset hominem veluti simulacrum suum, quod erat opifici summum, inspiravit ei sapientiam soli, ut omnia imperio ac ditioni suae subjugaret omnibusque mundi commodis uteretur Proposuit tamen ei et bona et mala, quia sapientiam dedit, cujus omnis ratio in discernendis malis ac bonis posita est Non potest enim quisquam eligere meliora et scire quid bonum sit, nisi sciat simul rejicere ac vitare quae mala sunt In vicem sibi alterutrum connexa sunt, ut sublato alterutro, utrumque sit tolli necesse est Propositis igitur bonis malisque, tum demum opus suum peragat sapientia, et quidem bonum appetit ad utilitatem, malum rejicit ad salutem Ergo sicut bona innumerabilia data sunt, quibus frui posset, sic etiam mala, quae caveret Nam si malum nullum sit, periculum, nihil denique, quod loedere hominem possit, tollitur omnis materia sapientiae, nec erit homini necessaria Posi-

западу, а ни теплота без студени, а ни мякко было бы, когда бы не было твердаго Также с дву съпротивных себѣ вещи сътворени есмы душевны и телесны, еже то едино приписуется огню, а другое земли Но едино есть полно и вѣчно, а другое кратко и смертно Того ради одинаго ся придержи добре, а другаго свѣт, // живот, правда, а другаго смерть, тмы и неправда А тѣм пришло есть человеком порушение их прирожению Но уже есть потреба, чтобы уставлен был закон, имже то грѣхи¹ могли възбранени быти, а дѣла силы² овбдержани Якоже бо побѣда без бою быти не может, также и крѣпость³ без врага Сего ради убо Бог человеку дал крѣпость, а поставил противу еи врага, чтобы крѣпость⁴ своего естества не погубила, когда бы в праздности была

Якоже бо не хотѣл Бог человека к оному безсмертному блаженству пространным и широким путем привести

Бог сътворил человека образом подобна⁵ себѣ, еже он есть вышши всѣх дел Его, и въдохну ему мудрость, и все силѣ его и господству поддалъ, дабы всѣм, еже есть на свете, владѣл Но обаче предложил ему // добро и зло того ради, понеже дал есть ему мудрость, в неуже вся сила положена есть, в розознании добра и зла Якоже убо не может ни жадныи познати, что есть добро, и изволити лучшее, но едино тако аще умѣет знати зло и от него ся съблюдати А то купѣ съвокуплено есть тако, понеже аще бы одинаго не было, могло бы и другое отато быти Сего ради когда добро и зло предложено будет, тѣгда уже дѣлати будеть мудрость свое дѣло Якоже убо она изволит добро, а зло отвержет спасениа ради Якоже бо много добраго дано есть, имже человек может пребывати, также и много и злаго, от негоже ся имѣет

л 252 об

¹add бы
²цтности
цтность
сила или
крѣпость
или мужество
³цтность

⁴цтность

⁵подобным

л 253

tis enim tantummodo in conspectu bonis, quid opus est cogitatione, intellectu, scientia, ratione? quocumque porrexerit manum, id naturae aptum et comodum

съблюдати Но аще не будет ли злаго, не будет и печаль, такоже ничтоже будет чтобы человека могло оскорбити, и будет отято всяко дѣло мудрости, ниже будет человеку // *потребна* Или аще толико добро будет положено пред лицом человека и что есть потреба разуму и мышлению смысла и умению? Камо коли рукою посягне всегда обрѣщать своему естеству доброе

л 253 об

гл 13 De ira
Dei

Vides ergo, magis propter mala opus bonis esse sapientia quae nisi fuissent proposita, rationale animal non essemus. Quod si haec ratio vera est, quam stoici posuerunt, dissolvitur etiam argumentum illud Epicuri. Deus, inquit, aut vult tollere mala et non potest, aut potest et non vult, aut neque vult neque potest aut et vult et potest. Si vult et non potest, imbecillus est, quod in Deum non cadit. Si potest et non vult, invidus, quod aequum alienum est a Deo. Si neque vult neque potest, et invidus, et imbecillus est, ideoque neque Deus. Si et vult et potest quod solum Deo convenit, unde ergo sunt mala? aut cur illa non tollit? Scio plerosque philosophorum, qui providentiam defendunt hoc argumento perturbari solere et invitos pene adigi, ut Deum nihil curare fateantur, quod maxime quaerit Epicurus. Sed nos ratione prospecta, formidolosum hoc argumentum facile dissolvimus. Deus enim potest quicquid velit, et imbecillitas, vel invidia in Deo nulla est, potest igitur mala tollere sed non vult, nec ideo tamen invidus. Idcirco enim non tollit, quia sapientiam (sicut edocui) simul tribuit, et plus est boni ac jucunditatis in sapientia, quam in malis molestiae. Sapientia enim facit, ut Deum cognoscamus et per eam cognitionem immortalitatem assequamur, quod est summum bonum. Itaque nisi prius malum agnoverimus, nec bonum poterimus agnoscere. Sed hoc non vidit Epicurus, nec alius quisquam, si tollantur mala, tolli pariter sapientiam, nec ulla in homine virtutis remanere vestigia,

Сего ради можешь разумети, еже добрым зла ради потреба есть мудрости, еже когда бы зло нам предложено не было, звѣрем быхом неразумным подобны были. И тѣм можем съпротив глаголати ону пригчю Епикуриеву, идеже тако глаголетъ. Понеже Бог¹ хочеть отати зло, а не может, или может, а не хочет, или убо ни хочет, ни может, или и хочет, и может. Есть ли же хочет, а не может, худыи и немощныи есть, еже то Богу не прилежит. Паки ли может, а не хочет, завистливыи есть, и то такоже далеко есть от Бога. Аще ли и не хочет, и не может, и завистливыи и немощныи есть, // и тако не будет Богом. Аще ли и хочет, и может отати зло, еже то само Богу прилежит, про что же пакъ есть тако много злаго, и что ради его Бог не отиметь? Есть ли же его съхранением строим есть той то мир? Вем аз нѣких мудрецов, еже тѣм то доводом доводятъ, яко бы уряжениа Божиго² не было в мирѣ? И еще к тому приходят, аще и не ради познати, яко Бог ни о чем печали не имѣет, или ни о чем не радит, и болши того доводит Епикуриос. Но мы к разуму възрѣвше страшному тому гаданию и тако съпротив глаголем, яко Бог все может, что хочет, а немочи, ни зависти нѣсть при Богу. Никоеаже сего ради может отати зло, но не хочет, обаче того ради нѣсть завистливыи, сего ради убо не отимет злаго, понеже дал есть человеку мудрость, а болши есть добраго и

¹ add или

л 254

² ²тг в мире не было

	cujus ratio in sustinenda et superanda malorum acerbitate consistit Ita propter exiguum compendium sublаторum malorum maximo et vero et proprio nobis bono careremus Constat igitur omnia propter hominem proposita, tam mala, quam etiam bona	утѣшнаго в мудрости, нежели в злом скорбнаго Мудрость убо // чинит, а быхом знали Бога, а тою знамостью а быхом безмертия дошли, еже есть свыше дарованное добро Сего ради убо аще первѣ зло познаем, то не будем мощи познати добраго Но того есть невѣдѣтель Эпикуриос, когда бы отато ¹ зло, такожде бы отата была и мудрость, и ни единыа бы стопы силѣ в человеку не осталось Еаж мочь в трѣпѣнии злых прилежит, и такожде малого ради зла болшаго и праваго и особнаго нам добра лишени быхом были Сего ради явлено есть, яко все человека ради положено есть, тако зло, якоже и добро	л 254 об
гл I Div Inst	Venio nunc ad ipsum quod est summum operis hujus et maximum, ut doceam quo ritu, quoque sacrificio Deum coli oporteat Id enim est hominis officium, in eoque solo summa rerum, et omnis beatæ vitæ ratio consistit quandoquidem propterea facti et inspirati ab eo sumus, non ut coelum videremus et solem (<i>quod Anaxagoras putavit</i>), ut artificem solis et coeli Deum pura et integramente coleremus	Поиду нынѣ к тому, что есть превышняго добраго того дѣла и преболшаго, да научимъ которымъ обычаем и коими жрѣтвами Бог имат почитаем быти, якоже убо то есть устав человека и в том самом вся имѣет и весь закон ² блаженаго жи//вота лежит Егда убо того ради есмо сѣтворены и от него есмы одушевлени, да быхом небо зрѣли и солнце, но сѣтворителя быхом небу и солнцу чисту всею мыслию почитали	¹ add было
гл I Div Inst	Nihil enim sancta et singularis illa majestas aliud ab homine desiderat, quam solam innocentiam quam si quis obtulerit Deo, satis pie, religioseque litavit Homines autem, neglecta justitia, cum sint omnibus flagitis ac sceleribus inquinati, religiosos se putant, si templa ac aras hostiarum sanguine cruentaverint, si focos adoraverint ac veteris vini perfusione madefecerint	Ничтоже убо много то свято и особое величество от человека не жадает, но самыа невинности Юже кто обѣтует Богу довольно есть милостивѣ и богоязнивѣ обѣтовал А люди пак оставивше правду, всеми грѣхы и неправдами осквернени суще доумѣвают ³ ся яко бы честители Божии были внигдаже храмы и олтари крови многих жертв искрывают и егда огонь запялять или вином старым полиют	² указ л 255
гл I Div Inst	Quidquid aspectu earum, quicquid opere aut odore pretiosum est, et haec grata diis suis, non ex aliqua divinitatis ratione, quam nesciunt, sed ex suis cupiditatibus judicanti nec intelligunt terrenis operibus Deum non indigere	И еще же что есть очима их угодно и самѣм благоуханно или в дѣле многоцѣнно, то тако мнѣть, якобы Богом их то благоприятно было И инако того не судят, но ⁴ лико от своих жадостей, не разумѣюще тому, яко // Бог земскаго богатства не требует, и тако якоже не знают, кыи есть правый Бог, тако и не вѣдят, каа есть праведна почеть Его	³ мят ⁴ пр то л 255 об
гл I Div Inst	Sicut enim qui sit verus Deus, ita qui sit verus cultor, ignorant		

гл 2 Div
Inst

Mactant igitur opimas ac pingues hostias Deo, quasi esurienti, profundunt vina, tanquam sitiendi, accendunt lumina, velut in tenebris agenti Quod si suspicari, aut percipere animo possent quae sint bona illa coelestia, quorum magnitudinem, terreno adhuc corpore obvoluti, sensu capere non possumus, jam se cum his officis inanibus stultissimos esse cognoscant Vel si coeleste lumen, quod dicimus solem, contemplari velint, jam sentiant quam non indigeat lucernis eorum Deus, qui ipse in usum hominis tam candidam lucem dedit

Сего ради убивают великаа и тучнаа в жрътву Богу, яко алчнем, вино приносят, яко жадному, зажигают свѣща, яко в тмах пребывающему И еще егда¹ поглядети ¹когда бы могли и умом разумети, каа суть она благаа небеснаа Ихже величества в мудрости плотской въсприати не можем Уже бы сами себе своими суетными и прелестными жрътвами познали, или кгда бы на небесную свѣтлость, еже есть солнцѣ, позрѣти хотѣли, уже бы ра²мѣли, каков Бог есть свѣщ их ²зу не требует, понеже Он на потребу человеку³ сътворил такову прясную свѣтлость ³человеком

гл 2 Div
Inst

Num igitur mentis suae compos putandus est, qui auctori et datori luminis candelarum ac cerarum lumen offert pro munere? Aliud vero ille a nobis exigit lumen, et quidem non fumidum, sed (ut ait poeta) liquidum atque clarum, mentis scilicet, *propter quod a poetis fontes nuncupatur*, quod exhibere non potest nisi qui Deum agnoverit

Егдаже тои тогда за мудраго имат имѣт⁴ быти, кто же сътворителю и дарователю света // ⁵свѣщъ свѣтлость⁵ или свѣтилников поставление обѣтует⁶ Обаче убо Он инья свѣтлости немрачныа хошет от нас, — якоже глаголетъ премудрыи, чистаго и пресвѣтлаго, еже есть ума нашего Еще того выдати не можем, но тои един кто же Бога знает

источник не определен

Сего ради к милосердию⁷ Божественое то величество не телесныа potrzeby есть, но разума свята и души праведны А сердце того к естественной почести есть благо Та есть почестъ Божна небеснаа нѣкакоже стоит порушительными⁸ вещми, но сила души, каа есть с небеси дана, та есть то праваа честь В неиже то ум честителя сам ся Богу в жертву нескверну приносит

гл 4 Div
Inst

Est enim criminantis illius qui, pravis religionibus institutis, avertit homines ab itinere coelesti, et in viam perditionis inducit Cujus viae species et figura sic est composita in aspectu, ut plana et patens, omni genere florum atque fructuum delectabilis esse videatur In ea enim posuit Deus omnia quae bonis habentur in terra opulentiam dico, honorem, quietem, voluptatem, illecebras omnes, sed cum his pariter injustitiam, crudelitatem, superbiam, perfidiam, libidinem, cupiditatem, discordiam, ignorantiam, mendaciam, stultitiam,

Но то есть обычаи врагу, яко уставлением ложным и неправыми почестьми к Богу отвращает человекеы от пути небеснаго и на путь погибели их въводит Еже того пути украшение и помощь // тако ^{л 256 об} есть поставлена пред лицом человеческим, яко бы ся мнѣл гладкыи и явленныи всякыи благыи исполнень, яко на нем положил Бог все, елико человеци за добро имѣють на земли, якоже множество богатства честь, покои годованье и всякые похоти Такожде к тому вкупѣ неправду и жестосер-

caeteraque vitia Exitus autem talis est viae Cum ventum fuerit ad extremum, unde jam regredi non licet, cum omni sua pulchritudine tam subito praeciditur, ut non ante quis fraudem prospicere possit, quam praecipitatus in altitudinem profundam cadat Quis enim praesentium bonorum specie captus, et in his consequendis ac fruendis occupatus, non praeviderit ea quae post mortem secutura sunt, seque a Deo averterit is vero ad inferos dejectus, in aeternam damnabitur poenam

дие, гордость, невѣрие, сребролюбие, лож, прелесть и иныя грѣхы Но выхоженіе пак таково есть того пути, егдаже придет к самому концу, отнюдуже възратитися нельзѣ, с всею своею красотою тако въскорѣ прѣторжен будет Но иже прѣвие кто будет мощи познати прелщение свое, неже поражен сый и в глубину злых впадет Якоже убо кто коли нынѣшними благими и красными похищен сый в добы, в дни и в прилежании тѣх упраснит ся, // а к тому не позрит, еже по смерти имат приити, — и тако се от Бога отврати тои и ¹до ада вържен сый и вѣчно мучен будет¹

л 257

¹ и в вѣчнои муцѣ погублен будет